Повалюхина А.Н.

Аспирант. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Владивостокский государственный университет». Старший преподаватель.

Печерица В.Ф.

Доктор исторических наук, профессор. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный федеральный университет».

Проблемы и противоречия в системе управления информацией в Японии (на примере освещения в СМИ катастрофы «Фукусима-1»

Катастрофа на АЭС «Фукусима-1» в марте 2011 года стала одним из самых серьёзных политических и социальных кризисов в Японии в последние десятилетия. Это событие привело как к подрыву доверия к правительству, так и к радикальной переоценке общественного восприятия рисков, связанных с ядерной энергетикой и государственной властью **[6, с. 237-257].** Эти изменения были обусловлены не только материальной серьёзностью аварии, но и информационным ландшафтом, в рамках которого граждане пытались осмыслить стремительно разворачивающиеся события.

В течение нескольких дней и недель после аварий правительственные министерства, регулирующие органы и Токийская электроэнергетическая компания (TEPCO) публиковали информацию, которая была нерелевантной, неполной или противоречивой. По данным официальной Независимой комиссии по расследованию (NAIIC), правительство и Токийская электроэнергетическая компания (TEPCO) были не готовы к масштабам кризиса и опубликовали противоречивую или неполную информацию в критические первые недели **[5, с. 31-34].**

Ключевой особенностью первых публикаций в СМИ о Фукусиме было многократное использование официальной терминологии, которая преуменьшала неопределенность или минимизировала риск. Например, такие фразы, как «выброс пара», «контролируемый выброс» или «маловероятно, что немедленные последствия для здоровья» широко циркулировали в прессе, отражая язык, используемый TEPCO (Токийская энер-

гетическая компания) и NISA (Агентство по ядерной и промышленной безопасности). Эти семантические решения сформировали общественное восприятие, нормализуя официальные заверения и скрывая возможность серьёзных, неконтролируемых**.** Освещение событий, как правило, сводило ядерную аварию к более широкому нарративу «тройной катастрофы», что изначально снижало видимость специфических для ядерной отрасли рисков и задерживало критический анализ масштабов расплавления реакторов **[8, с. 95-97].**

Задокументированное сокрытие данных о рассеивании радиации «Системы прогнозирования доз облучения в чрезвычайных ситуациях в окружающей среде» (SPEEDI) и непоследовательные публичные заявления, сделанные различными бюрократическими субъектами, создали значительные информационные пробелы, которые сформировали общественное понимание кризиса **[10, с. 78-80].** Эти пробелы еще больше усугублялись институциональными ограничениями, встроенными в японскую медиасистему, в частности, структурой «киша курабу», которая исторически давала привилегированный доступ к сообщениям и ограничивала состязательное расследование **[13, с. 112-114].** Взаимодействие между неполной официальной информацией и структурными характеристиками СМИ ослабило способность общественности точно и независимо оценивать риск, тем самым усиливая неуверенность и тревогу.

Основные вещательные компании, такие как NHK и крупные общенациональные газеты, изначально сохраняли информационное доминирование, тем не менее, цифровые платформы, особенно «Твиттер», онлайн-форумы и независимые блоги, стали альтернативными площадками для распространения как научных данных, так и непроверенных заявлений. Появление этих «гражданских информационных сетей» отражало более широкий кризис институционального доверия, когда люди всё чаще обращались к нетрадиционным источникам, когда официальные каналы казались ненадёжными **[4, с. 411-435].** Таким образом кризис стал катализатором фрагментации публичной сферы, в которой конкурирующие нарративы риска сосуществовали и часто противоречили друг другу.

Опираясь на литературу, освещающую влияние СМИ и динамику кризисного управления, автор статьи попытается дать политологическую оценку информационной асимметрии во время катастрофы «Фукусима-1». Для прояснения ситуации обратимся к теоретической модели

Ульриха Бека, которая подчёркивает, что технологически развитые общества всё чаще характеризуются «искусственными рисками», политические последствия которых опосредованы не только материальным воздействием, но и социальным конструированием опасности **[1, с. 21-22].** Случай с Фукусимой демонстрирует это явление с особой ясностью: несмотря на то, что ядерная авария была физическим событием, её политические последствия были глубоко обусловлены доступом граждан к информации, авторитетом

Анализ восприятия риска общественностью в Японии после аварии на Фукусиме требует комплексной теоретической модели, опирающейся на три основных направления научной литературы: исследования влияния СМИ, теорию общества риска и политологическую литературу по кризисным коммуникациям и управлению. Каждая из этих традиций предоставляет различные концептуальные инструменты для анализа того, как люди интерпретируют неопределенную информацию, как институты управляют (или не управляют) нарративами о рисках и как медиасистемы опосредуют политические последствия масштабных техногенных катастроф.

Исследования влияния СМИ подчеркивают важную роль информационной среды в формировании общественного мнения, особенно в условиях неопределенности или ограниченности знаний. Японская медийная система, основанная на структуре «киша курабу», характеризуется эксклюзивным доступом, тесными отношениями между СМИ и бюрократией и нормами почтения. Такая институциональная конфигурация способствует однородности освещения событий и препятствует развитию журналистских расследований, тем самым сужая спектр интерпретационных рамок, доступных для общественности **[13, с. 130-132].** В контексте Фукусимы эта структурная тенденция в сочетании с непоследовательной коммуникацией со стороны государства создала нестабильную обстановку, в которой граждане с трудом могли точно оценить риски.

Катастрофа выявила ограничения существующих протоколов коммуникации, которые были обусловлены более глубокими структурными проблемами, включая регуляторный захват, фрагментированность бюрократической власти и давнее нежелание раскрывать информацию, связанную с рисками.

Непрозрачность ядерного регулирования, задержка в обнародовании технических данных и противоречивые заявления государственных

и корпоративных структур привели к тому, что было названо «шоком управления», подорвавшем доверие общественности к способности государства защищать **[10, с. 85-87].**

Катастрофа Фукусимы также нарушила привычные модели взаимодействия СМИ и государства. Пресс-клубы, обычно полагающиеся на скоординированные брифинги, столкнулись с быстро меняющейся и зачастую противоречивой информацией. Отсутствие целостного официального повествования привело к временной «плюрализации» СМИ, в ходе которой журналисты всё чаще искали альтернативные источники, включая независимых учёных, иностранные агентства и сети общественного мониторинга **[8, с. 93-95].**

Период после катастрофы стал показателем значительных изменений в информационном ландшафте Японии, вызванных тремя основными факторами: ростом популярности цифровых медиа, расширением информационных инициатив гражданского общества и растущим скептицизмом общественности по отношению к традиционным СМИ.

Во-первых, цифровые платформы — в частности, «Твиттер» (Twitter), блоги, а позднее «Лайн» (LINE) и «Ютюб» (YouTube) — стали ключевыми источниками информации в режиме реального времени во время и после кризиса. Социальные сети сыграли важную роль в распространении альтернативных точек зрения, содействии горизонтальным сетям обмена информацией и быстрой мобилизации групп граждан **[15, с. 211-213].** Это стало заметным отходом от моделей, которые существовали до катастрофы, в которых цифровой активизм имел ограниченный охват и политическую значимость.

Во-вторых, инициативы по мониторингу радиационной обстановки, осуществляемые гражданами, возникли в ответ на воспринимаемые недостатки официальной информации. Наиболее известные из этих проектов, такие как "Сейфкаст» (Safecast), сочетали низовой активизм с техническими инновациями для создания независимых карт радиационной обстановки. Эти инициативы не только предоставляли альтернативные данные, но и символизировали более широкий общественный спрос на прозрачность и партисипативное управление **[3, с. 14-16].** Распространение таких проектов отражает снижение доверия к официальной информации о рисках, зафиксированное в многочисленных опросах, проведенных в годы после катастрофы.

Наконец, ведущие СМИ Японии столкнулись с растущей критикой за освещение событий на Фукусиме. Многие граждане считали, что тради-

ционные СМИ чрезмерно полагаются на правительственные источники и недостаточно критично относятся к TEPCO и регулирующим органам **[12, с. 258-259].** Подрыв доверия к официальным информационным системам не только усилил восприятие опасности, но и привел к большей зависимости от альтернативных источников, возросшему скептицизму в отношении экспертных оценок и более широкому пересмотру институциональной ответственности.

Освещение событий в международных СМИ на Фукусиме заметно отличалось от освещения событий в Японии, что позволяет провести полезную сравнительную оптику для понимания структуры реакции японских СМИ. Такие мировые СМИ, как «Бибиси» (BBC), «Си-энэн» (CNN), «Нью-йорк таймс» (The New York Times) и «Гардиан» (The Guardian), часто представляли Фукусиму как системный сбой в работе регулирующих органов и подчёркивали потенциал катастрофического выброса радиации.

Напротив, освещение событий в Японии, как правило, делало акцент на контролируемости, уделяя особое внимание мерам по смягчению последствий, экспертным заверениям и постепенному прогрессу в стабилизации реакторов. Это расхождение создало «двойную информационную среду», в которой граждане Японии, имеющие доступ к зарубежным СМИ, сталкивались с гораздо более критическими и тревожными нарративами, чем те, которые представлялись внутри страны **[14, с. 251-252].** Эта двойственность способствовала повышению уровня тревожности среди международной аудитории и дальнейшему подрыву доверия к отечественным СМИ. Перекос в освещении событий усилил общественное мнение о вторичности или локальности ядерной угрозы, даже несмотря на ухудшение технической ситуации на энергоблоках 1–3 **[11, с. 112-114].** Приоритетность одних тем по сравнению с другими, таким образом, ограничивала когнитивное пространство, доступное для оценки рисков общественностью.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что катастрофа на АЭС «Фукусима-1» стала критическим моментом в политической и социальной жизни Японии, обнажив сложное взаимодействие институциональных структур, медиасистем и общественного восприятия. Трансформацию общественного мнения нельзя рассматривать исключительно с точки зрения объективного воздействия радиации или других физических опасностей. Скорее, восприятие риска обществом сформировалось в результате многогранного взаимодействия медийного фрейминга, ин-

ституциональной непрозрачности, задержки раскрытия информации и гражданской активности.

Используемая автором теоретическая модель, основанная на исследованиях влияния СМИ, теории общества риска и анализе кризисных коммуникаций, предоставляет комплексный подход для интерпретации этой динамики. В случае Фукусимы существовавшие ранее структурные ограничения японской медиасистемы, включая модель «киша курабу» и опору на официальные источники, способствовали ограничению рамок и задержке распространения критически важной информации. В результате граждане столкнулись с существенными информационными пробелами, которые усилили неопределенность, подорвали доверие как к государственным, так и к научным учреждениям и стимулировали альтернативные модели поиска информации и гражданской активности.

Анализ гражданской мобилизации подчёркивает, что кризисы доверия могут одновременно служить катализаторами политического участия и перестройки общественного дискурса. Инициативы гражданской науки, такие как «Сэйфкаст» (Safecast), в сочетании с платформами социальных сетей, способствовали формированию горизонтальных сетей обмена информацией, минуя традиционные иерархии производства знаний и государственное посредничество в коммуникации. Эти события свидетельствуют о формировании плюралистической публичной сферы, в которой оспариваются официальные нарративы, анализируется авторитет экспертов, а граждане активно участвуют в формировании политических дебатов и практик управления рисками.

В политическом плане катастрофа на Фукусиме имела долгосрочные последствия. Снижение доверия к центральным государственным институтам и системе управления информации в Японии повлияло на результаты выборов, политические дебаты по вопросам ядерной энергетики и более широкое участие общественности в этих процессах. В то же время, сохранение альтернативных информационных сетей и практик гражданского участия свидетельствует о том, что институциональные сбои могут привести к долгосрочным изменениям в том, как граждане интерпретируют риски, оценивают власть и участвуют в политической жизни.

Случай Фукусимы демонстрирует, что общественное мнение и восприятие риска в Японии являются продуктами динамического взаимодействия медиасистем, институциональных структур и гражданского

общества. Информационные пробелы – как по содержанию, так и по времени – служат важнейшими детерминантами доверия, формируя политические установки и модели мобилизации. Наш анализ подчёркивает необходимость интеграции идей политической коммуникации, социологии риска и управления кризисами при оценке политических последствий техногенных катастроф. Он подтверждает более широкий вывод о том, что в современных обществах риска эффективное управление зависит не только от технической компетентности, но и от своевременного, прозрачного и достоверного распространения информации среди населения.

Список литературы:

1. Бек Ульрих, Общество риска: к новой современности (Лондон: Сейдж, 1992), С. 21-22; 65-67. // URL: https://archive.org/details/risksocietytowar0000beck
2. Бойн Арьен и др., Политика управления кризисами: общественное лидерство в условиях давления (Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 2005), С. 61-63. // URL: https://archive.org/details/politicsofcrisis0000unse
3. Браун Дэвид, Франкен П. и Боннер С., «Гражданская наука, радиационный мониторинг и политика в отношении данных после Фукусимы: случай Сейфкаст», Геофорум 72. 2016. С. 14-16. – DOI: 10.1016/j.geoforum.2016.03.006
4. Кинчи Эбби и Хувер Элизабет А., «Наука и реакция граждан на Фукусиму: участие общественности, политика риска и социальные движения в Японии», Наука, технологии и человеческие ценности 39, 2014. № 4. С. 411-435. – DOI: 10.1177/0162243913504306
5. Национальный парламент Японии, Официальный доклад Независимой комиссии по расследованию аварии на АЭС Фукусима (NAIIC), 2012. С. 31-34. // URL: https://ndlsearch.ndl.go.jp/en/books/R100000002-I023774279
6. Олдрич Дэниел П., «Посткризисное общественное мнение в Японии: ядерная энергетика, доверие и управление после Фукусимы», Японский форум 26, 2014. № 3. С. 237-257. – DOI: 10.1080/09555803.2014.900518
7. Олдрич Д.П. и Мейер М.А. «Социальный капитал и устойчивость сообщества», Американ бихевиорал сайентист, 2015. № 59 (2). С. 254-269. – DOI: 10.1177/0002764214550299
8. Ониси Норико, «Журналистика после Фукусимы: переосмысление норм, практик и властных структур», Азия пасифик медиа эдьюкатор 24, 2014. № 1. С. 93-97. – DOI: 10.1177/1326365X14539266
9. Перроу Чарльз, «Обычные аварии: жизнь с технологиями высокого риска», обновленное издание (Принстон: Princeton University Press, 2011), С. 51-53. // URL: https://www.jstor.org/stable/j.ctt7srgf
10. Сэмюэлс Ричард Дж., 3.11: Катастрофы и перемены в Японии (Итака: Cornell University Press, 2013), С. 78-80; 85-87. // URL: https://cornellpress.cornell.edu/book/9780801452000/311/
11. Танака Юсуке, «СМИ-репортажи и общественное восприятие после Фукусимы: контент-анализ», Японский журнал политических наук, 2013. № 2. С. 112-114. – DOI: 10.1017/S146810991300005X
12. Толлефсон Джеймс и Хасегава Коичи, «СМИ, общественное мнение и катастрофа на Фукусимской АЭС», Японский журнал политических наук, 6, 2015. № 2. С. 258-259. – DOI: 10.1017/S1468109915000039
13. Фриман Лори Энн, «Закрытие магазина: информационные картели и японские СМИ» (Принстон: Издательство Принстонского университета, 2000), С. 17-19; 112–114; 130-132. // URL: https://www.jstor.org/stable/j.ctt12f4fg
14. Хасегава, Коичи. За пределами Фукусимы: на пути к постъядерному обществу. Перевод Минако Сато. Мельбурн: Транс Пасифик Пресс, 2015., С. 247-252. // URL: https://ndlsearch.ndl.go.jp/books/R100000002-I026502222
15. Хирата Эми, «Социальные сети и реакция граждан во время стихийных бедствий: уроки Фукусимы», Журнал управления чрезвычайными ситуациями и кризисами 24. 2016. № 4. С. 211-213. – DOI: 10.1111/1468-5973.12121
16. Милованов А.В. Свободное воспитание как педагогическая парадигма в отечественной образовательной мысли конца XIX века // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 236-244.

Bibliography

1. Beck, Ulrich, Risk Society: Towards a New Modernity (London: Sage, 1992), P. 21-22; 65-67. // URL: https://archive.org/details/risksocietytowar0000beck
2. Boyne, Arjen et al., The Politics of Crisis Management: Public Leadership under Pressure (Cambridge: Cambridge University Press, 2005), P. 61-63. // URL: https://archive.org/details/politicsofcrisis0000unse
3. Brown, David, Franken, P., and Bonner, S., "Citizen Science, Radiation Monitoring, and Data Politics after Fukushima: The Safecast Case," «Geoforum» 72. 2016. P. 14-16. – DOI: 10.1016/j.geoforum.2016.03.006
4. Kinchi Abby and Hoover Elizabeth A., "Science and Citizen Responses to Fukushima: Public Participation, Risk Politics, and Social Movements in Japan," Science, Technology & Human Values 39, 2014. № 4. P. 411-435. – DOI: 10.1177/0162243913504306
5. National Diet of Japan, Official Report of the Independent Investigation Commission on the Fukushima Nuclear Accident (NAIIC), 2012. P. 31-34. // URL: https://ndlsearch.ndl.go.jp/en/books/R100000002-I023774279
6. Aldrich Daniel P., "Post-crisis public opinion in Japan: nuclear power, trust, and governance after Fukushima," "Japan Forum" 26, 2014. № 3. P. 237-257. – DOI: 10.1080/09555803.2014.900518
7. Aldrich D.P., and Meyer M.A. Social capital and community resilience, "American Behavioral Scientist" 59, 2015. № 2. P. 254-269. – DOI: 10.1177/0002764214550299
8. Aldrich D.P., and Meyer M.A. Social capital and community resilience, American Behavioral Scientist 59, 2015. № 2. P. 254-269. – DOI: 10.1177/0002764214550299
9. Onishi Noriko, "Post-Fukushima Journalism: Rethinking Norms, Practices, and Power Structures," Asia Pacific Media Educator 24, 2014. № 1. P. 93-97. – DOI: 10.1177/1326365X14539266
10. Perrow Charles, "Common Accidents: Living with High-Risk Technologies," updated edition (Princeton: Princeton University Press, 2011), P. 51-53. // URL: https://www.jstor.org/stable/j.ctt7srgf
11. Samuels, Richard J., 3.11: Disaster and Change in Japan (Ithaca: Cornell University Press, 2013), P. 78-80; 85-87. // URL: https://cornellpress.cornell.edu/book/9780801452000/311/
12. Tanaka Yusuke, "Media Reporting and Public Perceptions after Fukushima: A Content Analysis," Japanese Journal of Political Science, 2013. № 2. P. 112-114. – DOI: 10.1017/S146810991300005X
13. Tollefson, James, and Hasegawa, Koichi, "Media, Public Opinion, and the Fukushima Nuclear Disaster," Japanese Journal of Political Science, 6, 2015. Vol. 1. № 2. P. 258-259. – DOI: 10.1017/S1468109915000039
14. Freeman, Laurie Ann, "Closing Up Shop: Information Cartels and Japanese Media" (Princeton: Princeton University Press, 2000), P. 17-19; 112-114; 130--132. // URL: https://www.jstor.org/stable/j.ctt12f4fg
15. Hasegawa, Koichi. Beyond Fukushima: Towards a Post-Nuclear Society. Translated by Minako Sato. Melbourne: Trans Pacific Press, 2015. P. 247-252. // URL: https://ndlsearch.ndl.go.jp/books/R100000002-I026502222
16. Hirata Emi, "Social Media and Citizen Responses during Disasters: Lessons from Fukushima," Journal of Emergency and Crisis Management 24. 2016. № 4. P. 211-213. – DOI: 10.1111/1468-5973.12121
17. Milovanov A.V. Free education as a pedagogical paradigm in domestic educational thought at the end of the 19th century // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 236-244.